
ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА
[6] 2012
РОМАН АДАМА ФОУЛДЗА
«УСКОРЯЮЩИЙСЯ ЛАБИРИНТ»
ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ:
«УСТРОЕНИЕ САДОВ» ЦЗИ ЧЭНА

Устроение садов. Фрагмент трактата

Цзи Чэн

Аннотация
Цзи Чэн. Устроение садов. Фрагмент трактата
Вступление Е. Кузьминой
Предисловие Жуань Дачэна
Предисловие Чжэн Юаньсюня
Предисловие автора
Цзецзин, или Использование естественного ландшафта
Весна
Лето
Осень
Зима
Послесловие автора

Аннотация

«Устроение садов» (по-китайски «Юанье», буквально «Выплавка садов») — первый в китайской традиции трактат по садово-парковому искусству. Это удивительный текст с очень несчастливой судьбой. Он написан на закате династии Мин (в середине XVII века) мастером искусственных горок и «садоустроителем» Цзи Чэном.

Цзи Чэн. Устроение садов. Фрагмент трактата

Вступление Е. Кузьминой

«Устроение садов» (по-китайски «Юанье», буквально «Выплавка садов») — первый в китайской традиции трактат по садово-парковому искусству. Это удивительный текст с очень несчастливой судьбой. Он написан на закате династии Мин (в середине XVII века) мастером искусственных горок и «садоустроителем» Цзи Чэном.

Ремесленник пишет о своем ремесле — сегодня такое встречается сплошь и рядом. Книги опытных мастеров, описывающих свое искусство, мы ценим подчас значительно больше, чем рассуждения теоретиков и критиков. В Китае же письменная традиция была весьма консервативной, в ее обиход мог войти только текст, обладавший определенным набором свойств. Главное из них: он должен быть написан на литературном языке вэньяне, который многие столетия назад оторвался от устного языка и пошел по своему пути развития. Изучение вэньяня и классических текстов оставались привилегией ученых и аристократии, архитекторы были далеко не так образованы, как ученые сословия. Поэтому в Китае на протяжении тысячелетий, до

появления Цзи Чэна, строили сады одни, а писали о них другие.

Текст иллюстрируют сюжеты классической китайской живописи, служившей источником вдохновения для китайских устроителей садов.

Сочинения о садах были столь многочисленны и разнообразны, что их можно выделить в особое направление юаньцзи («записки о садах»). Однако читатель найдет в них лишь скрупулезное описание сада, составленное владельцем, и руководство по «наслаждению садом». Цзи Чэн первый написал своего рода инструкцию по созданию предмета «наслаждения» — самого сада. Как ему — ремесленнику — удалось написать текст, удовлетворяющий специфическим литературным стандартам?

Существует мнение, что часть трактата написана другим автором. Пристальный взгляд на оригинальный текст подтверждает эту догадку: трактат как бы распадается на две части — «прикладную» и «художественную». Распадается не структурно, но по содержанию, и фрагменты из обеих частей зачастую перемешаны в одной главе. Скажем, за патетическим описанием прекрасного пейзажа может следовать такая фраза: «Не стоит ограничивать себя определенным ко-

личеством окон, делай их там, где это уместно».

Публикация текста была осуществлена с помощью известного сановника Жуань Цзичэна. Вскоре после издания трактата он попал в опалу — такая же судьба ожидала и «Устроение садов». О трактате забыли на 300 лет, его повторная публикация состоялась в первой трети XX века, когда китайцы заново «узнали» о нем от японских исследователей. Китайские ученые провели большую текстологическую работу, подготовили научный и культурологический комментарии. Трактат был переведен на современный китайский, английский и французский языки и, можно сказать, зажил счастливой жизнью. Правда, в России для него пока все складывается неудачно. Специалисты по садово-парковой архитектуре узнали о трактате из западных источников и из работ отечественного синолога Владимира Малявина. Однако многое из того, что сегодня цитируют как «Устроение садов», является переводом не совсем достоверных англоязычных переложений. Это вызывает глубокое сожаление, поскольку этот трактат, с присущим ему историко-культурным и художественным своеобразием, несомненно, достоин настоящей встречи с читателем — в полном объеме, максимально

достоверном переводе и с исчерпывающим комментарием.

Мы предлагаем перевод нескольких фрагментов трактата. Это предисловия друзей и покровителей автора — Жуань Дачэна и Чжэн Юаньсюна, а также его собственное предисловие и послесловие. Кроме того, мы публикуем главу «Цзецзин, или Использование естественного ландшафта», описывающую один из принципов садово-паркового искусства — «заимствование пейзажа» («borrowed scenery»). Читатель, вероятно, с удивлением обнаружит, что это едва ли не стихотворение в прозе, насыщенное цитатами и аллюзиями. В этой главе проглядывает предполагаемый второй автор «Устроения садов» — тот, кто привнес красоту и поэзию в сухое описание архитектурных приемов.

Предисловие Жуань Дачэна

С юности, подобно Сяну и Циню[1], я имел склонность к уединенной жизни, но на мое горе оказался повязан по рукам и ногам делами службы. Когда же наконец я был отстранен от должности и сослан на родину, то смог осуществить свою мечту об уединении. Однако в ту самую пору повсюду царили беспорядки, к тому же я не мог пренебречь сыновним долгом — заботой о родителях, — ради того, чтобы отдаться «свободному скитанию»[2]. Итак, мне ничего не оставалось, кроме тихого бесцветного существования среди курятников и свинарников, в кругу соплеменников и сородичей.

Неподалеку протекала река Луаньцзян. Как-то случилось мне взять лодку, и она принесла меня на поросшее ивами мелководье в «Сад пробуждения». Я провел там два дня в умиротворении и веселье, радуясь дивному месту, на котором за

---

[1] Примечания: 1

Сян Пин и Цинь Цин — два знаменитых отшельника эпохи Восточная Хань (206 до н. э. — 25 н. э.) (Здесь и далее — прим. перев.)

[2] Примечания: 2

«Свободное скитание» — название первой главы знаменитой даосской книги притч «Чжуан-цзы» (IV–III вв. до н. э.).

бамбуковой изгородью собрали самые прекрасные холмы и долины. Вот где мог бы я утолять свою страсть к красивым пейзажам, заботиться о родителях и не искать лучших мест. Можно только посмеяться над теми неутомимыми странниками, что бесконечно скитаются, окутанные облаками и туманами[3].

Этот сад — «Сад пробуждения» — устроил Цзи Упи из Сунлина[4] и написал о нем трактат, а мой друг Цао Юаньфу из Гушу назвал этот трактат «Устроение садов». Упи отличается искренностью и открытостью, он обладает незаурядным умом, по натуре своей не склонен к пошлости и лицемерию — его стихи и картины таковы, каков он сам.

И вот я очистил от сорных трав заброшенный участок, находящийся неподалеку, вырыл там пруды, возвел искусственные горки и устроил сад — прекрасное место для чтения и игры на цине. В погожие дни я буду бродить по саду с посохом или странствовать в паланкине и беседовать

---

[3] Примечания: 3

Имеются в виду даосские отшельники, бесконечно странствующие в поисках островов бессмертных.

[4] Примечания: 4

Цзи Упи — один из псевдонимов автора трактата Цзи Чэна. Семья Цзи Чэна происходила из города Тунли в области Сунлин. Сегодня это уезд Уц-зян в провинции Цзянсу.

с бессмертными, останавливаясь передохнуть. Облаченный в разноцветные одежды, как Лао Лайцзы[5], я буду напевать песню отшельника[6] и пить за здоровье стариков. Так, в праздности и веселье я проведу остаток дней.

Поистине, талант Цзи-цзы[7] помог счастливо воплотить мои замыслы, и в знак благодарности я хочу наполнить еще одну чашу вина и с песней поднести ему.

А когда в моем саду месяц выходит из-за горных вершин и наступает тишина, я зову Юаньфу, ибо мудрость его безгранична.

В год Цзяжун эпохи Чунчжэнь (1634), в четвертый месяц, когда в саду расцвели деревья, в кругу своих лучших друзей — птиц, Жуань Дачэн взялся за кисть в усадьбе Каменное Гнездо.

---

[5] Примечания: 5

Легендарный пример почтительного сына. Известно, что в 70 лет Лао Лайцзы одевался в детское платье, изображая ребенка на радость родителям.

[6] Примечания: 6

По преданию в последние годы эпохи Цинь (221–206 до н. э.) четыре ученых мужа — Дунюань Гун, Ци Лицзи, Сяхуан Гун, Лу Ли, именующие свое сообщество «Четыре седовласых старца с горы Шан», поселились отшельниками в горах, чтобы скрыться от беспорядков, царивших в империи. Они написали песню «Собираю чудесные грибы», в которой говорится, что в мятежные времена чудесный гриб может утолить печаль.

[7] Примечания: 7

Еще один псевдоним Цзи Чэна.

Предисловие Чжэн Юаньсюня

Люди древности оставили записи о ста искусствах, а об устроении садов — ни слова. Почему? Говорят, что каждый сад устраивается по-своему, общих и твердых правил нет, поэтому искусству устроения садов нельзя научить и его невозможно передать.

Что значит «по-своему»?

Высокое происхождение позволило императору Цзянь-вэню[8] создать сад Хуалинь; богатство Лилуня[9] дало ему возможность построить сад Цзиньгу; а у бедняка Чжун-цзы[10] только и было, что крошечный огородик в Улине. Один благородного происхождения — другой низкого, один

---

[8] Примечания: 8

Императору Цзяньвэню Ди Сяона (503–551) государства Лян (502–556) в период Северных и Южных династий принадлежал легендарный сад «Цветущая роща». В сочинении средневекового прозаика Лю Ицина (403–444) «Мирские толки в новом изложении» об этом саде говорится следующее: «Место отдохновения сердца необязательно должно быть далеко. Скрылся за ширмой из деревьев — словно оказался на берегу рек Хао и Пу. Среди птиц, зверей и рыб чувствуешь себя, как среди лучших друзей».

[9] Примечания: 9

Лилунь — прозвище Ши Чуна (249–300). Во время государственной службы в городе Цзинчжоу (провинция Хэбэй) разбогател, занимаясь незаконной конфискацией товара у купцов. Вступил в соперничество за влияние с одним из членов императорского клана по имени Ван

Кай и вскоре был убит. В пору наивысшего богатства построил в Хэяне сад Цзиньгу, или «Сад в золотой лощине».

[10] Примечания: 10

Чэнь Чжун-цзы (350–260 до н. э.) известен также по имени Цзы-Чжун. Его старший брат был придворным сановником при правителе царства Ци и получал жалованье в размере 10 000 мер зерна. Чэнь Чжун-цзы считал несправедливым такое огромное жалованье и в знак протеста покинул родину, поселившись во владении Чу в маленьком городке Улинь. Услышав о нем, правитель владения Чу пожелал сделать его своим советником тоже за большое жалованье, но Чэнь Чжун-цзы по совету жены отверг это предложение и бежал.

бедный — другой богатый, у каждого свои обстоятельства, непросто что-то сделать им вопреки.

Если в твоем саду не найти тихого уголка, скрытого меж величественных гор и пышных деревьев, ты напрасно пускаешь по воде чарку с вином[11]. Если созданные тобой пейзажи не могут сравниться с «Оленьим загоном» и «Узорным абрикосом», не следует гордиться садом, словно усадьбой Ваньчуань[12]. Ведь, когда уродливая Мэй Му[13] пудрится и румянится, она становится еще безобразнее. Помни, что с каждым участком земли следует обращаться по-своему.

Если, приступая к устроению, хозяин уже видит каждый холм и долину своего сада, тот будет изысканным и элегантным, или непритязательным и скромным. Если же берешься за устроение

---

[11] Примечания: 11

Речь идет о поэтической игре, или ритуале, суть которого заключалась в следующем: гости садились возле извилистого ручья и пускали вниз по ручью листья лотоса с чашами, полными вина. Пока лист лотоса плыл от одного человека к другому, каждый должен был сочинить стихотворение. Проигравший выпивал вино. Эта игра ассоциируется прежде всего с одним из величайших китайских каллиграфов Ван Сичжи (303–361). В третий день третьего лунного месяца 353 г. каллиграф собрал друзей в своем саду у Беседки орхидей и пригласил их принять участие в поэтической игре. Стихотворения, сочиненные в ту ночь, составили сборник «Собрание стихотворений, написанных у Беседки орхидей». Ван Сичжи написал для сборника предисловие — непревзойденный шедевр китайской каллиграфии. Говоря об этой игре, Чжэн Юаньсюнь, вероятно, указывает на несообразность бедной обстановки и возвышенного, утонченного занятия.

[12] Примечания: 12

Ваньчуань — загородная усадьба прославленного танского поэта и художника Ван Вэя (701–761). Располагалась в уединенной живописной местности в столичном уезде, неподалеку от гор Чжуннань. В этой усадьбе поэт провел в уединении последние годы жизни. Многие из шедевров пейзажной лирики Ван Вэя, скорее всего, созданы именно в эти годы. В их числе знаменитый цикл «Река Ваньчуань» из 20 стихотворений, в которых воспеты особенно любимые поэтом уголки местной природы. «Олений загон», «Узорный абрикос» — названия павильонов в усадьбе Ваньчуань. Ван Вэй упоминает их в своих стихотворениях. Приведем некоторые из них.

Беседка из узорного абрикоса

Узорные абрикосы Срубил и сделал стропила.
Душистый камыш связал я —
Крыша над головою.
Чтобы людей далеких Дождиком окропило,
Не зря облака седые Плыли рядом со мною.

Перевод А. И. Гитовича

В Оленьем загоне

Пустынны горы, в них людей не видно,
Но голоса звучат их отдаленно.
Заката отблеск в лес проник глубоко,
Сияет луч на мху темно-зеленом.

Перевод Л. Н. Меньшикова

[13] Примечания: 13

Мэй Му — по преданию наложница четвертого ранга у императора Хуанди, известная своим уродством.

сада, принуждая себя и целиком полагаясь на плотников, каменщиков и мастеровых, цепочка гор не будет такой живописной, поток воды не ляжет петлями, тень от травы и деревьев не укроет водную гладь. Захочешь ли ты приходить в такой сад каждый день?

Также прискорбно, если хозяин уже видит, каким должен быть его сад, его уединенное тайное убежище, но не умеет передать замысел работникам. Работник всегда придерживается правил и не отступает от них ни на шаг. Привязанный к стамеске и рубанку, он одерживает верх над хозяином, заставляя его забыть о высоких мечтах. Разве это не достойно сожаления?

Отличие Цзи Упи в том, что он следует велению сердца, а не правилу. Для многих это недостижимо. Еще более искусен он в управлении работниками: бестолковый становится у него умелым, медлительный — проворным. Это особенно радует.

Я давно знаю Упи и очень жалею, что для великих замыслов ему достаются лишь пересохшие ручьи и жалкие подобия гор. Вот бы раскинуть сеть из десяти Великих гор, дать Упи в подчи-

нение пять силачей Поднебесной [14], собрать райские цветы и травы, многолетние деревья и священных журавлей — и он совершенно преобразит землю! Жаль, не найти столь крупного землевладельца…

Значит ли это, что Упи — мастер только крупных форм? Вовсе нет! И хозяин, и его земля имеют свои особенности, а Упи как никто другой умеет представить их в лучшем виде. Когда-то я строил усадьбу к югу от городской стены. Между зарослями тростника и берегами, поросшими ивой, оставалась полоска земли шириной всего в десять ху[15]. Стоило Упи дать несколько распоряжений — и это место преобразилось в тихое тайное убежище. Я никогда не считал, что много понимаю в строительстве, но по сравнению с Упи я просто кукушка, которая не может свить себе гнездо.

В Поднебесной немало ученых и знатных мужей, обладающих изысканным вкусом. Задумывая небольшой сад или мечтая о прекрасном пейзаже, они, конечно, захотят пригласить Упи.

---

[14] Примечания: 14

Мифологическая пятерка силачей, якобы проломивших горный хребет и открывших дорогу войскам Хуэй-вана из царства Ци в княжество Шу (316 до н. э.).

[15] Примечания: 15

Ху — длинная узкая дощечка из бамбука, слоновой кости или нефрита, которую чиновники держали в руках на аудиенциях у императора.

Боюсь только, что Упи не под силу одновременно пребывать во всех частях света. Трактат «Юанье» может заменить его для всех.

И все же мне очень досадно, что мудрость и мастерство Упи невозможно передать словами. Слова запечатлели только несколько правил, а это почти ничто. Эти правила можно менять и совершенствовать, и теперь у нас хотя бы есть от чего оттолкнуться. Это хуже чем подробное изложение, но лучше чем ничего.

Необычайный талант Цзи Чэна станет образцом для грядущих поколений. Кто осмелится сказать, что его труд не будет столь же знаменитым, как «Записки об исследовании ремесел» [16]?

Написано в год Ихай эпохи правления Чунчжэнь (1635), в первый день пятого месяца, другом Чжэн Юаньсюнем в «Саду отражений».

---

[16] Примечания: 16

«Записки об исследовании ремесел» — трактат, посвященный теории и практике ремесленного производства. Содержит разделы, описывающие деятельность рудокопов, кожевников, камнерезов, мастеров по изготовлению экипажей, гребней, плугов, топоров и др.

Предисловие автора

В молодости я прославился как художник. По своей природе любил все необычное и странное. Превыше всего ценил таланты Цзин Хао и Гуань Туна [17]и всегда подражал им. Путешествовал по Янь и Чу, в зрелые годы вернулся в У, поселился в Жуньчжоу[18].

Жуньчжоу окружают прекрасные горы и реки. Местные любители садов собрали камни причудливых форм и соорудили горку в бамбуковой роще. Случайно увидев ее, я не смог сдержать улыбку. Меня спросили почему. Я ответил: как известно, в мире есть естественное и искусственное. Почему вы не стремитесь воспроизвести естественную форму гор, а вместо этого наваливаете груды камней, словно встречаете духа

---

[17] Примечания: 17

Цзин Хао и Гуань Тун, известные также как «Цзин-Гуань», — создатели так называемой «южной школы живописи». Они разработали великолепную живописную технику для передачи суровой красоты северных гор.

[18] Примечания: 18

Янь — север современной провинции Хэбэй. Чу — территория современной провинции Хубэй и Хунань. У — район Цзянсу. Чуньчжоу — старое название города Чжэньцзян в провинции Цзянсу.

весны Гоумана[19]?

Меня спросили, могу ли я сделать лучше. Воспользовавшись этой счастливой возможностью, я возвел отвесную скалу. Каждый, кто видел ее, восклицал: «Воистину прекрасная гора!» С тех пор слава обо мне разнеслась по всей округе.

Вскоре провинциальный казначей У Юй из Цзиньлина прослышал об этом и пригласил меня. Он получил участок на востоке города. Это был семейный надел юаньского Вэнь-сяна, размером всего лишь 15 му[20]. Господин У сказал: эти 10 му оставь для постройки дома, на оставшихся 5 му разбей сад, подобный «Саду единственной радости» Сыма Вэнь-гуна[21]. Я осмотрел самые высокие места, исследовал глубину источников. Деревья доставали до небес, кривые ветви мели

---

[19] Примечания: 19

Гоуман — в древнекитайской мифологии помощник правителя Востока Фу-си. По другим источникам — дух дерева с квадратным лицом и в белой одежде, в руках у него циркуль, и ему подвластна весна. В древности существовал обычай — в праздник прихода весны накладывать груды камней в знак приветствия духа весны Гоумана.

[20] Примечания: 20

Му — мера площади, равная 1/15 га.

[21] Примечания: 21

Сыма Вэнь-гун, он же Сыма Гуан (1019–1086) — историк, философ, государственный деятель. Родился в городе Шаньчжоу уезда Ся (современная провинция Шаньси) в семье крупного сановника. Занимал высокие посты в правительстве, состоял в академии Ханьлинь, однако был вынужден отойти от дел и удалиться в Лоян, провинция Хэнань.

Там он создал сад и назвал его «Сад единственной радости». Сыма Гуан оставил описание своей усадьбы в «Записках о саде единственной радости».

землю. Я сказал: для того чтобы устроить здесь сад, нужно не только поднять возвышенности, но и углубить низины. Пусть склон горы проглядывает из-за высоких деревьев; камни врезаются в извивающиеся корни; павильоны и террасы как бы разбросаны по поверхности воды; парящие галереи перекинуты через каналы, извилистые, словно знаки на древних печатях, — вот картина, поражающая воображение!

Когда строительство было завершено, хозяин возликовал. Он сказал: если измерить расстояние между входом и выходом — это всего лишь 400 шагов, однако на них собраны все красоты Цзяннани[22]! Помимо прочего, в саду были отдельные глыбы камней и небольшие строения. Но и с помощью этих мелких объектов я сумел воплотить свои дерзкие замыслы. Поэтому и я остался доволен своей работой.

В то время секретарь государственной канцелярии, Ван Шихэн, пригласил меня устроить

[22] Примечания: 22

Цзяннань — историческая область в Китае, занимающая правый берег нижнего течения реки Янцзы. Многие века считалась центром культуры, ремесел и торговли и в значительной степени остается таковой по сей день.

для него сад к западу от реки Луаньцзян [23] — и, кажется, я верно понял и воплотил его замысел. Этот сад, также как и сад господина У Сюаня, прославился по обоим берегам Янцзы. На досуге я начертил планы своих садов и назвал свои заметки «Содержание садов».

Наши края посетил Цао Юаньфу из города Гущу. Ван Шихэн и я сопровождали его во время прогулок по саду. Цао Юаньфу провел с нами два дня — похвалам его не было предела! Он сравнил пейзажи в саду с картинами Цзин Хао и Гуань Туна и спросил, могу ли я обратить свои умения в слова. Я показал ему свою рукопись. Он сказал: тысячу лет люди не видели и не слышали ничего подобного, почему же вы называете это «Содержание садов»? Это достойно благородного мужа! Но не следует ли изменить заглавие на «Устроение садов»?

Написано Фо Даожэнем [24]*, в год Синьвэй эпохи правления Чун-чжэнь (1631), на исходе осени в часы досуга в саду Уюань.*

---

[23] Примечания: 23

Имеется в виду «Сад пробуждения», о посещении которого упоминает в своем предисловии Жуань Дачэн.

[24] Примечания: 24

Еще один псевдоним Цзи Чэна, означает буквально «человек, сбившийся с пути».

Цзецзин, или Использование естественного ландшафта

В устроении садов не придерживаются строгих правил, однако в использовании естественного ландшафта нужно следовать некоторым принципам. Важнее всего учитывать смену времен года[25], *фэншуй* не столь важен.

Весна

Если для строительства сада ты выбрал поросшую деревьями излучину реки, ищи бамбуковую рощу или густой лес. В шумном и суетном городе лучше укрыться в спокойном и уединенном месте. Смотришь с высокогорья вдаль — со всех сторон тебя окружают скалистые вершины. Теплый воздух струится из павильона и окутывает прохожих, весенние ручьи устремляются к воротам и наполняют пруд. Среди ослепительно ярких цветов ты встречаешь на счастье бессмерт-

[25] Примечания: 25

По нашему предположению далее Цзи Чэн описывает изменение пейзажа по временам года (подзаголовки переводчика. — Е. К).

ного[26]. Веселишься со святыми и превозносишь совершенномудрых[27], чувствуя себя Первым Министром Гор[28]. Поешь хвалу жизни на привольи[29] и выращиваешь лекарственные травы[30]. Подметая дорожки, обходишь стебли орхидей — и они оделяют ароматом твои покои. Поднимаешь занавески и приветствуешь ласточек, что свободно разрезают воздух. Кружатся лепестки осыпающихся цветов, струятся поникшие ветви ивы.

Если ты все еще дрожишь от зимнего холода — повесь высокие качели[31]: они поднимут тебя к далекому ясному небу, ты сможешь высказать свою радость холмам и долинам. Выйдя из круга мирских забот, размышляя, странствуешь по саду, словно внутри пейзажного свитка.

---

[26] Примечания: 26

По мнению одного из комментаторов, здесь подразумевается сюжет из повести Фэн Мэнлуна «Слово вечное, мир пробуждающее» о том, как старик, поливая цветы, поздним вечером повстречал бессмертную деву. Это метафора небесной красоты сада. Другой исследователь полагает, что под «бессмертным» понимается «бессмертный среди цветов» — бегония. По свидетельству танского писателя Цзя Даня (730–805), бегония получила этот титул благодаря необычайно красивому цвету.

[27] Примечания: 27

В «Повествовании о Сюй Хуане» из «Записи о трех царствах» (III в. н. э.) говорится: «Обычно опьяневшие гости называли очищенное вино ‘совершенномудрым’ или ‘святым’, а неочищенное — ‘добродетельным’ или ‘достойным человеком’». Ду Фу обыгрывает это в стихотворении «Восемь бессмертных за вином»:

Без устали пьет, не пьянея ничуть,
сто рек он бы смог, словно кит, заглотнуть,
«Веселым святым» полнит чарку за чаркой,
давая «Достойному» путь.

Перевод Б. Мещерякова.

[28] Примечания: 28

В «Истории южных династий» рассказывается о прославленном ученом, даосском монахе и отшельнике Тао Хунцзине (456–536), который бросил службу и поселился в горах. Император У-ди не оставлял попытки привлечь его к решению государственных дел и часто посылал к Тао Хунцзину за советом, поэтому тот получил прозвище Первый Министр Гор.

[29] Примечания: 29

Имеется в виду «Ода о праздной жизни» Пань Юэ (247–300). В переводе В. М. Алексеева ода называется «Жизнь на привольи».

[30] Примечания: 30

Комментаторы усматривают здесь аллюзию на фрагмент из поэмы Цюй Юаня (ок. 340–278 до н. э.):

На пустырях я вырастил дубравы,
И орхидей я посадил сто му,
Я вырастил лекарственные травы,
Что так любезны сердцу моему.

Перевод А. И. Гитовича.

[31] Примечания: 31

В эпоху Тан (618–907) ежегодно в Праздник холодной пищи на каждом дереве в императорском дворце вешали качели для увеселения придворных девушек.

Лето

В тенистом лесу начинает кричать иволга, из-за горного склона доносится пение дровосека. Ветер родится под сенью деревьев, и ты входишь в пределы Фу-си[32]. Отшельник слагает стихи в сосновой хижине, затворник играет на цитре в бамбуковой роще. Красный наряд лотосов свеж и омыт дождем, яшмовый бамбук легко постукивает, и ты любуешься им в излучине ручья и наблюдаешь за рыбой в реке Хао. Горы виднеются в клубах тумана, низкие облака окружают тебя, когда ты стоишь в галерее, держась за перила. Поверхность воды покрыта мелкой рябью, прохладный воздух будит тебя, приклонившего голову к подушке. У южного окна ты изливаешь

---

[32] Примечания: 32

Фу-си — в древнекитайской мифологии первопредок и легендарный герой. Считался владыкой востока, его изображали как существо с телом змеи или дракона, но с головой человека. Фу-си считается изобретателем китайской иероглифической письменности. Цзи Чэн перефразирует пассаж из «Наставления Яню и другим сыновьям» Тао Юаньмина (365–427 н.): «В пятый и шестой месяцы я лежал у окна на северной стороне и, когда дул прохладный ветер, воображал себя придворным императора Фу-си». Эпоха легендарных императоров прошлого традиционно трактуется как период благоденствия и процветания.

горделивые мечты[33], у окна на северной стороне укрываешься в полуденной тени. До середины окна поднимается изумрудная тень платана и павловнии, стена обвита лазурной сетью стеблей. И ты любуешься луной, склонившись над ручьем, и пьешь родниковую воду, присев на камень.

Осень

Летние одежды не согревают в осенней прохладе. Лотосы в пруду свернулись в ароматные бутоны. Листья утуна осыпаются, испуганные приходом осени[34], цикады в траве стреко танием наполняют мрак. Бескрайний струящийся свет над озерной гладью, горы словно прекрасные яства на богатом пиру… Ты останавливаешь взгляд на веренице белых цапель что летят над полями и кленами, словно раскрасневшимися от вина. С высокой террасы смотришь вдаль, че-

[33] Примечания: 33

Отсылка к напевным строфам Тао Юаньмина «Домой, к себе»: «Прислонившись к окну, что выходит на юг, я пространству отдам горделиво мечту». Перевод В. М. Алексеева.

[34] Примечания: 34

Существовало поверье, что утун, или дерево феникса, роняет первый лист в первый день осени, и его листья опадают до начала зимы.

шешь заты лок и вопрошаешь голубые небеса[35]. Укрываешься в пустом павильоне и поднимаешь чарку луне[36]. Небесный аромат плывет в воздухе, печально осыпаются семена османтуса[37].

Зима

Увидев у бамбуковой изгороди умирающие хризантемы, ты понимаешь, что пришла зима. Когда же на согретом солнцем горном хребте расцветут сливы — ты будешь знать, что наступила весна. А сейчас повесь связку монет на верхушку посоха[38] и позови соседей выпить вина. Внезапно набредаешь на красавицу в освещенном луной лесу [39], спит в хижине под снегом достойный муж[40].

---

[35] Примечания: 35

«Чесать затылок и вопрошать голубые небеса» — цитата из «Заметок о бессмертном на облаке» танского литератора Фэн Чжэна: «Ли Бо поднимался на гору Хуашань и, взобравшись на пик Лофэн, сказал: ‘Эта гора — самая высокая, воздух, которым я дышу, достигает трона Небесного императора. Досадую, что со мной нет удивительных стихов Се Тяо, чешу затылок и вопрошаю синее Небо!’»

[36] Примечания: 36

Аллюзия на стихотворение Ли Бо (701–762) «Под луной одиноко пью»:

Среди цветов поставил я
Кувшин в тиши ночной
И одиноко пью вино,
И друга нет со мной.

Но в собутыльники луну
Позвал я в добрый час,
И тень свою я пригласил —
И трое стало нас…

Перевод А. И. Гитовича.

[37] Примечания: 37

Османтус цветет осенью и поэтому ассоциируется с этим временем года. Османтус также ассоциируется с луной, так как по легенде на луне под деревом османтуса заяц смешивает эликсир бессмертия.

[38] Примечания: 38

В Древнем Китае существовал обычай — отправляясь за вином, вешать связки металлических денег, которые имели отверстие в центре, на верхушку посоха. Тао Юаньмин и Су Дунпо описывают в своих стихотворениях сцены распития вина с сельскими соседями. Вот несколько строф из цикла стихотворений Тао Юаньмина (365–427) «Возвратился к садам и полям»:

Никого. И в печали

я иду, опираясь на палку.
Возвращаюсь неровной,

затерявшейся в чаще тропой.
А в ущелье, у речки

с неглубокой прозрачной водою,
хорошо опуститься

и усталые ноги помыть…
Процедил осторожно

молодое вино, что поспело.
Есть и курица в доме —

и соседа я в гости зову.
Вечер. Спряталось солнце,

и сгущается в комнате сумрак.
В очаге моем хворост

запылал — нам свеча не нужна…
Перевод Л. З. Эйдлина

[39] Примечания: 39

Отсылка к стихотворению Гао Ци (1336–1374) «Слагаю стихи о сливе», в котором к благородному мужу, уснувшему на заснеженном поле, в лунном сиянии явилась красавица. Под красавицей понимается цветущая слива. В книге «Записи о городе Лунчэн» есть рассказ о том, как Чжао Шисюн, живший при династии Суй (589–619), после прогулки в горах Лофу заснул, и ему приснилась красавица в красивом бледно-розовом одеянии, вместе они веселились, пели и танцевали. Когда он проснулся, то обнаружил, что лежит под большой сливой.

[40] Примечания: 40

Под достойным мужем, спящим в заснеженной хижине, вероятно, понимается нищий отшельник Юань Ань, живший в эпоху Поздней Хань (23— 220) в Лояне. В «Истории Поздней Хань» говорится: «Однажды после сильного ночного снегопада правитель города Лоян отправился осматривать свои владения. Все горожане вышли из домов разгребать сугробы. Только перед домом Юань Аня снег не был расчищен, и другой нищий, который пришел к воротам Юань Аня, предположил, что тот уже умер. Правитель Лояна приказал разгрести снег. Когда вошли в дом, то увидели, что Юань Ань лежит на постели. На вопрос, почему он не попытался выйти на улицу, нищий ответил: ‘В большой снегопад все остаются в постели — не подобает в такой день докучать людям просьбами о подаянии’».

Темнеет полотно из облаков, листья шелестят на ветру. В лучах закатного солнца обдуваемые ветром вороны сидят на деревьях. Под убывающей луной озябшие гуси жалобно кличут. Очнувшись от сна у окна в кабинете, ты читаешь стихи, похожий на одинокую тень. Парчовая занавеска льнет к нарумяненной щеке красавицы за узорной ширмой, и снежинки являют доброе знамение. Ты можешь взяться за весла, словно собираешься плыть через реку Янь[41], или набрать снега, чтобы растопить его в чайнике, превосходя в этом род Дан[42]. В холодные ясные дни хорошо подхватывать рифмы, а в погожие дни соединять слова[43].

Пейзаж все равно что цветок, который не увядает, когда ты срываешь его. Напротив, он

---

[41] Примечания: 41

Цзи Чэн отсылает нас к истории из «Нового изложения рассказов, в свете ходящих» (IV в.) Лю И-цина, в которой рассказывается о том, как Ван Цзы отправился навестить друга Дай Аньдао. «Как-то ночью пошел сильный снег. Ван проснулся, открыл дверь и велел принести вина. Посмотрел — кругом все белым-бело. Тогда он встал и пошел бродить. На память ему пришли стихи Цзо Сы ‘Приглашение к отшельнику’, и тут он вспомнил о Дай Аньдао. А Дай в это время жил у горы Яньшань. И вот Ван ночью сел в лодку и поехал к нему. Приехал он туда только утром. Подошел уже к самым дверям, да не вошел, а повернул назад. Его потом спросили: почему? Цзы ответил: ‘Я поехал под влиянием чувства, а чувство прошло — к чему мне было видеться с ним?» (Перевод Л. Егоровой.) Эта история обычно приводится как иллюстрация философско-эстетического учения «ветер и поток», согласно которому человек должен всегда следовать сиюминутным желаниям.

[42] Примечания: 42

В связи с использованием снега для заваривания чая комментаторы приводят историю об ученом муже по имени Тао Гу, жившем при династии Сун (960—1279). Тао Гу купил наложницу в доме высокопоставленного чиновника по фамилии Дан. Когда выпал снег, Тао Гу собрал его и стал кипятить воду, чтобы заварить чай. Он спросил, делают ли так в семье Дан? Наложница ответила: «Они — простые люди, откуда им знать? Только и могут что сорить деньгами...»

[43] Примечания: 43

Вероятно, здесь имеются в виду литературные игры, например, совместное написание стихов.

приобретает новую жизнь. Не нужно придерживаться никаких принципов. Если пейзаж трогает душу — значит, это твой пейзаж.

Самое важное в устроении сада — умело использовать красоту вокруг тебя. В разное время года ты можешь любоваться отдаленным или ближним пейзажем, облаками над головой или травой под ногами. Однако прекрасный образ — как внешний, так и внутренний, — прежде чем ты изложишь его на бумаге, должен появиться в твоем воображении. Только тогда ты сможешь полностью его воплотить.

Послесловие автора

В год *цзясю* эпохи правления императора Чунчжэня (1634) мне исполнилось 53 года. Я пережил много бед и устал в долгом странствии по дорогам своего ремесла.

В юности меня влекло к тихим уединенным местам, я скрылся от славы среди холмов и долин, долгое время жил устроением садов, отдалился от мирских дел, изредка получая известия о смуте и беспорядках в империи. Сердце отшельника таково: не имея средств, чтобы купить гору, оно всегда ищет устье Персикового источника[44].

С горестью думаю о том, что был рожден не в свое время. Полководец Чжугэ Лян[45] в эпоху Троецарствия, первый министр Ди Жэньцзе[46] при

---

[44] Примечания: 44

Персиковый источник — идеальная страна, описанная в одноименной поэме Тао Юаньмина.

[45] Примечания: 45

Чжугэ Лян (181–234) — китайский полководец и государственный деятель эпохи Троецарствия (220–280).

[46] Примечания: 46

Ди Жэньцзе (630–700) — высокопоставленный чиновник при дворе императрицы У Цзэтянь (годы правления 690–705). Он был одним из самых уважаемых чиновников того времени и прославился своей честностью.

дворе императрицы У Цзэтянь — эти талантливые и благородные мужи тоже родились не в свое время. Что же тогда говорить обо мне, невежде из деревенской глуши, проводящем свои дни среди холмов и долин!?

На досуге я написал это «устроение» в надежде, что оно пригодится моим сыновьям Чаншэну и Чанцзи, но, кажется, они «только и знают, что груши рвать да каштаны»[47]. Поэтому я издал свой труд в надежде, что он будет кому-нибудь полезен.

---

[47] Примечания: 47

Цитата из стихотворения Тао Юаньмина «Укоряю сыновей»:

А младший мой, Тунзы,
которому скоро девять,
тот только и знает,
что груши рвать да каштаны.

Перевод Л. З. Эйдлина